

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-ВИЗАНТИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Грузия занимает центральную и западную части Южного Кавказа. Она расположена на пространствах двух континентов – Европы и Азии, и это отразилось на созданной грузинским народом цивилизации, испытавшей влияние как Запада, так и Востока. Влияла эта ситуация и на другие аспекты исторического развития Грузии.

Не останавливаясь на более ранних периодах, мы лишь вкратце отметим, что в течении II тысячелетия до н.э. грузинские племена объединились в две крупные племенные группировки, из которых западная, выходившая на побережье Черного моря, уже тогда устанавливала довольно тесные связи с греческим миром (иллюстрацией этого является хотя бы знаменитый миф об “Аргонавтах”; засвидетельствованы эти связи также и археологически). К середине I тысячелетия до н.э. оформились два грузинских государства: Колхидское царство, охватывавшее всю Западную Грузию, которая по черноморскому побережью простиралась от долины р. Шоу на севере до устья р. Чорохи на юге, и Картлийское царство, в состав которого вошли Восточная и Юго-Западная Грузия¹.

Западногрузинское (Колхидское) царство все активнее вступало в контакт с греческим миром, а с эпохи эллинизма греческое влияние проникло и в Восточную Грузию, как и в соседние Армению и Албанию².

В 60-х годах I в. до н.э. Закавказье подверглось нашествию римских легионов, связанному с борьбой Рима против понтийского царя Митридата VI. С этого времени Колхида прочно и надолго вошла в ареал политического господства Римского государства и вплоть до конца VII в. была подчинена (на разных условиях) сначала Римской, а затем Византийской империям. Соседняя Армения превратилась в арену постоянных столкновений Рима и Парфии. Иберия, умело играя на противоречиях этих враждующих стран, существенно упрочила свои позиции и расширила границы, лишь формально сохраняя статус “союзника и друга римского народа”³.

Ситуация значительно обострилась в III в., после образования на Иранском нагорье более централизованной и могущественной державы Сасани-

* Эта проблема была затронута нами еще в 1983 г., в докладе на XI Всесоюзной сессии византистов в Севастополе (см.: ВВ. 1986. Т. 46. С. 7).

¹ Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989; *Он же*. У истоков истории Грузии. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.; рез. на рус. и нем. яз.); Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1988. С. 80–260. В грузинской историографии существует мнение, что племенные группировки, засвидетельствованные в ассирийских и урартских источниках, были уже раннегосударственными объединениями. Не вдаваясь в полемику по данной проблеме, мы отметим, что не разделяем эту точку зрения и формирование грузинских государств датируем VI–V вв. до н.э.

² Лордкипанидзе О. Наследие... С. 272–307; 338–346; *Он же*. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 13–15 (с литературой).

³ Ломоури Н. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

дов, перехватившей у Рима инициативу в Закавказье. Из закавказских областей лишь Западная Грузия – бывшая Колхида, именуемая в то время Лазикой, – и Западная Армения остались в подчинении Рима⁴.

Несмотря на то что грузинские государства были вынуждены вести постоянную борьбу сперва с Парфией, затем с сасанидским Ираном, а также на то что Западная Грузия оставалась под властью Рима, культурная жизнь здесь не затухала, о чем выразительно свидетельствуют памятники материальной культуры. Постоянные политические контакты с греческим, эллинистическим и римским мирами обусловили проникновение в Грузию иноземных культурных влияний. Не вдаваясь в слабо обеспеченный источниками древнейший период, остановимся на проблеме эллинистических влияний на культурную жизнь Колхиды и Иберии. Необходимо сразу же отметить, что эти влияния оказались, разумеется, более интенсивными и многообразными в Западной Грузии, поскольку почву для них подготовили довольно тесные и длительные контакты с греческим миром; однако в эллинистическую эпоху эти влияния стали активно проникать и в Восточную Грузию⁵.

Мы вкратце остановились на этой проблеме постольку, поскольку связи Грузии с эллинистическо-римской культурой послужили, в свою очередь, благодатной почвой для последующего проникновения в различные грузинские регионы византийского влияния. Как известно, в процессе формирования византийской цивилизации значительную роль сыграл континуитет античной культуры. Естественно поэтому, что воздействие византийской культуры было более интенсивным в тех соседних с империей странах, где античное влияние было шире и многообразнее.

Изучение политических, экономических и культурных взаимосвязей грузинских государств с эллинистическо-римским миром, анализ археологических материалов и результаты исследований специалистов позволили нам сделать вывод, что в науке имеет место определенное преувеличение значения эллинистическо-римской культуры для судеб культурной истории Грузии. Материалы источников скорее оправдывают заключение, что влияние эллинистической культуры в Грузии носило ограниченный характер. Оно не проникало в быт, хозяйство и нравы местного населения, культура которого сохраняла отчетливо выраженную самобытность и древние местные традиции. В Колхиде и Иберии действительно возникла более или менее значительная прослойка эллинизированного населения, в особенности в прибрежных городах или в таких подвергшихся эллинизации городских центрах, как Вани. Социальная верхушка здешних горожан, несомненно, приобщалась к эллинистической культуре, но и она оставалась в основном тесно связанной с местными культурными традициями⁶.

⁴ Там же. С. 243–299; *Christensen A.* L'Iran sous les Sasanides. Copenhagen, 1944; *Ломоури Н.* Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства в III – начале IV в. н.э. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., с русским резюме, с лит-рой).

⁵ *Лорткипанидзе О.* Наследие... С. 272–338; *Он же.* Античный мир и Восточное Причерноморье... С. 13–17; *Ломоури Н.* Грузино-римские взаимоотношения. С. 78 сл. (с литературой); *Шелов Н.* Колхида в системе понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. С. 199–214.

⁶ *Ломоури Н.* Грузино-римские взаимоотношения. С. 55–65; *Лорткипанидзе О.* Эллинизм и Колхида // Советское искусство. 1970. № 9. С. 24–30; 1971. № 9. С. 72–75; *Он же.* Ванское городище // Вани. Т. I. 1972. С. 48–82 (с литературой).

Сходной оставалась здесь ситуация и в период римской экспансии. Как отмечал, ссылаясь на многочисленные археологические исследования в Западной и в Восточной Грузии, О.Д. Лордкипанидзе: “В результате длительных взаимоотношений с античным миром, население древней Грузии знакомилось с основными достижениями передовой античной культуры, науки, техники и, вместе с тем, творчески перерабатывало и насаждало их на местной почве”⁷.

Значительной вехой в истории Грузии является IV в., когда здесь упрочивала свои позиции христианская религия. Она распространялась в Грузии уже в первом столетии, а в 30-х годах IV в. стала официальной государственной религией в Картли (Иберии) и примерно в то же время в Западной Грузии, т.е. в Лазике (Эгриси грузинских источников). Для входившей в орбиту римского политического и культурно-религиозного господства Западной Грузии утверждение в ней христианства стало в целом закономерным явлением. Однако тот же процесс утверждения, а затем и признания христианства в качестве государственной религии в Восточной Грузии, как и в Армении, подчиненных сасанидскому Ирану, представляется неординарным историческим феноменом. Данное обстоятельство следует расценить как свидетельство того, что указанные грузинские государства искали пути сближения с Восточной Римской (Византийской) империей, пытаясь освободиться от иранского господства⁸.

Неоднократно и в более поздние исторические периоды экстремальная внешнеполитическая ситуация вынуждала грузинские царства прибегать к сходным политическим маневрам: в борьбе с сасанидским Ираном, а затем с арабами и позднее с турками-сельджуками естественным союзником для христианских стран Южного Кавказа оставалась Византийская империя, которая со своей стороны стремилась сохранить здесь собственное политическое влияние.

Несмотря на изменчивость политических взаимоотношений грузинских государств и Византии и на имевшие место в регионе частые столкновения и конфликты (в VIII в. они ознаменовались потерей империей своих вассалов в Грузии), грузино-византийские связи никогда не прерывались полностью; мы имеем в виду связи экономические и в особенности культурные. Конечно, тесные многовековые политические контакты Византии и грузинских государств предопределили, как уже было сказано, проникновение в Грузию византийских влияний во всех сферах культурной жизни. Значительными очагами грузинско-византийских культурных связей стали в первую очередь грузинские монастыри, расположенные на территории самой империи, такие, как Клеостовый монастырь в Иерусалиме, монастырь на Синае, Ивирон на Афоне, Петрицонский (Бачковский) монастырь в Болгарии и др. Большое значение имели и господство Византии в Западной Грузии в течении нескольких веков, и серьезное политическое влияние империи в

⁷ Лордкипанидзе О. Античный мир и Восточное Причерноморье... С. 15–17. Автор, как и мы, использовал труды археологов, специально занимавшихся данной проблемой (Т. Микеладзе, Л. Бочоришвили, А. Кахидзе, Д. Хахугайшвили, Г. Дундуа и др.).

⁸ Подробно см.: Ломоури Н. Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства (в III – начале IV в. н.э.). Тбилиси, 1975. С. 84–96, 98–100 (на груз. яз., с рус. и англ. резюме); Он же. История Эгрисского (Лазского) царства. Тбилиси, 1968. С. 112–120, 129–130 (на груз. яз., с рус. и англ. резюме); Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси, 1989. С. 137–140.

Юго-Западной Грузии (Самцхе, Тао-Кларджети). Но несмотря на все это, проникновение византийского культурного влияния не привело к исчезновению местных культурных традиций, как не смогли сделать это ранее эллинистическое и римское влияние. Местная, самобытная культура продолжала играть и в византийскую эпоху, т.е. фактически на всем протяжении средневековья, определяющую роль в жизни грузинского народа.

Ведущим компонентом в становлении самой византийской культуры, как и в ее распространении в соседних странах, являлось, безусловно, христианство. Новая религия усилила интенсивность проникновения византийского влияния в христианские страны. Она стимулировала развитие местных культур, формирование здесь новых отраслей искусства, литературы, художественных ремесел и т.п., в которых тем не менее нашли отчетливое отражение местные традиции, характерные для самобытной грузинской культуры.

Проблема взаимопроникновения византийской и грузинской культур остается одной из сложнейших в средневековой истории кавказского ареала. Немало ее аспектов требуют углубленного изучения на конкретном материале. Мы приведем ниже в связи с этим вопросом лишь несколько примеров названной культурной синкретизации, которые у современных специалистов не вызывают сомнений.

В свое время (в 50-х годах XX в.) большой интерес в научных кругах вызвали многолетние и масштабные раскопки древнего города Питиунта (совр. Пицунда, Бичвинта), расположенного в Северной Колхиде. Город этот был теснейшим образом связан с Римом: там находилась одна из стоянок римского гарнизона в Колхиде, а также резиденция епископа. Несмотря на эти существенные обстоятельства, явные элементы местной культуры засвидетельствованы и здесь, в частности в руинах церкви, которая в IV–V вв., как полагают, была епископским собором. Мы имеем в виду мозаики, по целому ряду признаков примыкающие к кругу эллинистических мозаик Передней Азии. Однако одновременно установлены их тесные связи с местным искусством и с народными верованиями. Об этом в частности свидетельствуют некоторые детали мозаики в изображении коровы с теленком. Подобного рода мотив, по мнению специалистов, не находит аналогий ни в одной из восточных или средиземноморских мозаик и представляет собой явление местного характера, органически связанное с автохтонными преданиями и верованиями⁹. Привнесение данного элемента в композицию мозаики, а также характерные для бичвинтской мозаики некоторые декоративные детали и общие стилистические признаки, сближающие ее с другими видами искусства на иных территориях Грузии, позволяют отнести эту мозаику к числу произведений местной школы мозаичистов¹⁰.

Даже христианским храмам, архитектурный канон которых должен был удовлетворять требованиям духовенства и следовать образцам храмостроительства в Святой Земле, присуще в Грузии яркое своеобразие. Мы имеем в

⁹ Мацулевич Л. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ. 1956. № 4. С. 147–148; Шервашидзе Л. Пицундская Мозаика // Великий Питиунт. Т. III. 1978. С. 160–193; Вачнадзе Н. Из истории христианской символики // Труды ТГУ. 1982. № (?) 227. С. 106–113.

¹⁰ Мацулевич Л. Великий Питиунт. С. 100–168; Шервашидзе Л. Указ. соч. С. 178–193; Цицишвили И. Комплекс церковных сооружений в Пицунде // Великий Питиунт. С. 116–117 (рус. тексты).

виду те оригинальные черты, которые приобрела на территории Грузии широко распространенная по всему христианскому востоку трехнефная базилика. Как известно, для эллинистических и раннехристианских базилик Ближнего Востока характерна определенно выраженная продольная ось внутреннего пространства с рядом устоев, отгораживающих центральный, высокий и широкий неф от боковых нефов. В Грузии прослеживается своеобразная эволюция темы базилики. Самые древние образцы церковных построек представляют собой здесь особого рода смешение привнесенной извне темы базилики с традиционным, местным центрическим построением. Со второй половины V в. в Грузии появились подлинные, “образцовые” базилики (например, Болнисский Сион), но и они значительно отличаются от классических форм этого типа церквей и сохраняют тенденцию к центрическому решению. Средний неф у них сравнительно короче, нет ритмичных рядов колон, боковые нефы узки, не имеют самостоятельной функции, отделены от центрального нефа широкими массивными столбами и соединены с центральным нефом узкими проходами. Боковые нефы и западный нартекс создают своеобразный узкий “обход” вокруг центрального нефа, подчеркивая его полное превалирование. Трехнефные базилики Грузии несли на себе следы сильного воздействия норм центральнокупольных зданий¹¹. Весьма интересно, что все вышесказанное присуще и базиликам Западной Грузии (Пицунда, Цихисдзири, Нокалакеви, Сепиети), т.е. церковным строениям того региона, который вплоть до IX в. находился в церковном подчинении Константинопольского патриархата¹². Самое главное, однако, состоит в том, что в Грузии устанавливается совершенно своеобразный тип некупольных храмов – так называемых “трехцерковных” базилик с внешним базиличным обликом и с оригинальным внутренним пространством, фактически разгороженным на три обособленных помещения, отделенные друг от друга уже не рядом колонн или столбов, а сплошными стенами. При этом средняя “церковь” выше и шире боковых, что придает ей еще более доминирующий вид¹³.

Почти полную независимость от византийской церковной архитектуры демонстрируют центрально-купольные храмы, самым ранним и ярким образцом которых является храм Мцхетского Джвари (конец VI – начало VII в.), положивший начало обособленному типу церквей. Этот тип – оригинальное творение именно грузинской архитектуры, затем распространившийся также в Армении и не имеющий параллелей в других провинциях Византии¹⁴.

Самостоятельные архитектурные стили формировались в Восточной и Западной Грузии и в Тао-Кларджети (Юго-Западной Грузии) и в последую-

¹¹ Чубинашвили Г. Болнисский Сион. Тбилиси, 1941; *Он же*. Архитектура Кахети. Тбилиси, 1959; Беридзе В. Итоги изучения грузинской архитектуры раннехристианского времени // Доклад на XX Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

¹² Цицишвили И. Указ. соч. С. 99–100, 116–117; Закарая П., Капанадзе Т. Цихегоджи–Археополис–Нокалакеви. Тбилиси, 1991. С. 165–214 (на груз. яз.).

¹³ Чубинашвили Г. Архитектура Кахети. С. 156–163; Беридзе В. Итоги изучения... С. 5; *Он же*. Древнегрузинская архитектура. Тбилиси, 1974. С. 191. (на груз. яз.); *Mepisaschwili R., Zinzadze W.* Die Kunst des alten Georgien. p.z., 1977. P. 61 f.

¹⁴ Чубинашвили Г. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948; *Lomouri N.* The History of Georgian-Byzantine Relations // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261). The Metropolitan Museum of Art. N.Y., 2000. P. 182–186.

щие века. Эти особые стили характерны для таких храмов, как Свети-Цховели, храм Баграта, Алаверди, Ишхани, Бана, Хахули и др. Все эти строения имеют отдельные элементы, сближающие их с византийскими, но это архитектурные памятники, отразившие в основном местные традиции. Их сопоставление с памятниками Византии позволяет определить их отличия, свидетельствующие о самостоятельности развития грузинского зодчества не только в частности, но и в общих стилистических решениях¹⁵. И в других отраслях грузинского искусства мы также видим сочетание византийских и местных, традиционных элементов. Наблюдаются эти явления и в рельефной скульптуре, и в златокузнечестве, и в обработке эмалей, и в иконописи, и во фресковой живописи¹⁶.

Наконец, кратко остановимся на грузино-византийских литературных связях. В условиях многовековых контактов Грузии и Византии эти связи сыграли, несомненно, весьма значительную роль в развитии средневековой грузинской литературы и философской мысли. Нет никаких сомнений в том, что с V в., если не раньше, в Грузии зарождается церковная переводная литература (переводы библейских текстов, агиографических и мистико-аскетических произведений). Возникли в грузинской литературе и новые жанры: с V в. агиография, с VI в. мистико-аскетические и богословско-философские произведения.

Поскольку агиографический жанр проник в Грузию из Византии, грузинские агиографические произведения следуют основным принципам византийской агиографии, повторяя ее отличительные, характерные черты. Но в то же время, как показывает анализ грузинских агиографических произведений (Мученичество св. Шушаник, Евстафия Мцхетского, Або Тбилили и др.), они имеют свои характерные особенности, отличающие грузинскую агиографию от византийской¹⁷.

В первую очередь, это нетипичный для византийской агиографии большой объем политических и социальных описаний, на фоне которых рисуется жизнь, деяния и само мученичество святых. Отдельные детали политических, социальных и географических описаний имеются и в ранневизантийской агиографической литературе, но в грузинской они конкретнее и реалистичнее и занимают гораздо больший объем¹⁸.

Весьма примечательна при этом еще одна особенность, наиболее очевидно выступающая в Мученичестве св. Шушаник (V в.). Она выражается в непривычной для византийской мартирологии реалистичной характеристике действующих лиц, в первую очередь самой героини. Автор (Яков Цурта-

¹⁵ Беридзе В. Итоги изучения... С. 8. Ср.: Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети (Место памятников Тао-Кларджети в истории Грузинской архитектуры). Тбилиси, 1981 (на рус. и англ. яз.); Закарая П. Грузинская центрально-купольная архитектура. Т. I. 1975; Т. II. 1978 (на груз. яз.); Он же. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992.

¹⁶ См.: Matchabeli K. Georgia and the Byzantine World: Artistic Aspects // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261). P. 188–197.

¹⁷ Для общей характеристики грузинской средневековой литературы см.: Джавахишвили И. Древняя грузинская историческая литература (V–XVIII вв.) // Сочинения. Т. III. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.); Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

¹⁸ См.: Барамидзе Р. Мученичество св. Шушаник, древнейший памятник грузинской литературы. Тбилиси, 1978; Хинтибидзе Э. К истории грузино-византийских литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1982. С. 90–126; 155–163 (на груз. яз.).

вели) рисует не абстрактный, схематический портрет аскета, отвернувшегося от жизни, а человека, тесно связанного с реальной действительностью, активно участвующего в ней, в результате чего образ героини полон внутренних противоречий¹⁹. Более того, автор изображает Шушаник и ее мужа, от которого она терпит мучения, как вполне реальных персонажей, наделенных и положительными и отрицательными чертами²⁰.

Явными различиями были отмечены и пути дальнейшей эволюции византийской и грузинской агиографии. Византийская агиография развивалась, если можно так выразиться, по нисходящей линии, постепенно лишаясь реалистических пассажей и отступлений политического и социального содержания. В ней все более доминировал единственный принцип: духовная деятельность святого не должна была затеняться второстепенными деталями, описание духовного аскетизма должно было подчиняться определенному шаблону и оставаться монотонным²¹.

Оригинальная грузинская агиография не пошла по этому пути. Она сохранила характерные отличия, развила их дальше и обрела способность более реалистичных описаний и деяний самого святого и его окружающей среды, а также тех политических, конкретно-исторических событий, в которых протекала жизнь, деятельность и само мученичество святого.

Таким образом, мы привели несколько примеров из различных сфер грузинской культуры, которые, бесспорно, обнаруживают, с одной стороны, зависимость грузинской христианской культуры от византийской, а с другой – демонстрируют ее неповторимость и оригинальность. Следовательно, при оценке роли и удельного веса византийских влияний необходимо, по-видимому, определить в первую очередь уровень и значение тех элементов своеобразия, которые отличают грузинские художественные и литературные памятники от классических византийских образцов. Именно в этих самобытных чертах выражен индивидуальный облик народа, который, активно воспринимая и творчески перерабатывая высокие образцы иноземной культуры, обогащал свою собственную и ускорял ее развитие по самостоятельному пути.

¹⁹ Барамидзе Р. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Джанашия Н.-Л. Персонажи “Мученичества Шушаник” // Мнатоби. 1983. № 8. С. 104–133 (на груз. яз.).

²¹ Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclasm Period // Iconoclasm. Birmingham, 1947. P.116–119.